

ЧЁРНЫЙ ХЛЕБ

Мой чёрный хлеб поджарист и румян,
он свеж и мягок, горла не дерёт.

Я хлебом сыт и от работы пьян,
когда бывает дел невпроворот.

Я всё умею.

Надо всё уметь!

Иначе жизнь тебя с пути сшибёт.

Не успеваешь хлеб мой зачерстветь,
и потому он горла не дерёт.

Вот так и жил я — данник ремесла,

и как-то ненароком, между дел,

любовь случилась,

жизнь произошла,

я даже удивиться не успел.

МЫ ЖИВЫ СЛОВОМ

Ах, что за ветер? Времена пастушек
и пасечников замела метель.
Поблёлка Гжель, ямщицкий сгинул Ямбург,
сорвало крышу, дом сошёл с катушек,
и пьяный плотник двери снял с петель,
ключи забросив в выгребную яму.

Нас всех давно поставили “на счётчик”,
как выбывших насельников, жильцов...
Судьба кричит: — Вас затянуло ряской... —
когда нас мерять вздумает начётчик,
куражась тупо, тыча нам в лицо
своей бумажной меркой канцелярской.

Вас не было! Забудьте, изыдите...
вас не стояло здесь! Вы кто такие?
— Мы живы словом! Жив глагол-родитель!
Чу, слышите: земля внутри гудёт.
А надо будет, и в престольный Киев
язык, почти забытый, доведёт.

* * *

Был удушлив закат и багров,
жизнь вокруг обмерла и заснула,
от стартующих антимиров
купоросным дыханьем пахнуло.

Это кто-то придумал хитро:
и пробирку как жизни начало,
и на хлеб наш поставил тавро,
чтоб машина потом сосчитала.

Мать-природа, за нас порадей,
отодвинь срок последнего часа.
Говорят, от кислотных дождей
наша рощица вовсе зачахла.

Может, злое над всем колдовство?
Как-то птицы продолжают здесь род свой?
Если мир обречён на вдовство,
я, как сын, обречён на сиротство.

Божий разум, в беде не оставь!
Я ещё не исчадьё, а чадо!
Только звуки небесных октав
глуше всё, да и слышу нечасто.

Вот он, мой наступает черёд.
Поздно спрашивать: мило ль, не мило...
Словно Чичиков, души гребёт
вертухай виртуального мира.

Зверь невиданный бродит окрест
и в окошко ночами стучится.
Из какого копытца — невесть —
суждено мне в дороге напиток...

ПЕРВОРОДСТВО

Здесь дрозды атакуют ворон,
А под окнами ёжики бродят,
И, со всех окружая сторон,
Лес грозит садовода угождям.

Здесь не знаешь, чему угождать:
Иван-чаю в цвету, гиацинтам?
И меж ёлок тебе — благодать,
Хоть и сада Эдемского сын ты,

Где Праматерь, вкусившая плод,
Знать не знала о судьбах потомков:
Коз пасти и терновник полоть,
Сквозь судьбу продираясь с котомкой

В первородство, к запрудам лесин
На бобровую речку, к лосятам...
Вышло так! Как ни кинешь — всё клин
Журавлиный иль в поле овсяный.

А с утра малахольный телок,
Чтоб похолодили, ломится в двери.
Малосольный огурчик — нам впрок,
Коль в чести и посты, и поверья.

И вопрос выживанья ребром
Жизнь поставит куриною лапкой.
Где-то шахты, в степях космодром,
Здесь мы семеро в доме по лавкам.

Песню ль спеть про шумящий камыш?
Но стоит твой стаканчик не выпит,
Вспомнишь что-то, на шутку смолчишь,
Вдруг да снова Чернобыль да Припять.

*Поздравляем нашего Санкт-Петербургского друга и автора журнала
с юбилеем, желаем душевного и телесного здоровья
и новых поэтических откровений!*